

КРИК ПЕРЕПЁЛКИ

СЕРДЦЕ ИЗ ОЗЁРНОГО СЛЁЗЫША

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова
**КРИК ПЕРЕПЁЛКИ: СЕРДЦЕ
ИЗ ОЗЁРНОГО СЛЁЗЫША**

<https://litres.ru/74002894>

SelfPub; 2026

Аннотация

В основе этой книги лежит отказ от парадных мифов о «светлой Руси» и лубочных берестяных декораций. Это осязаемое, плотское, глубоко психологическое славянское фэнтези (категория Young Adult), где магия — не взмах волшебной палочки, а болезненный физиологический процесс, требующий эквивалентного обмена с природой, а романтика рождается из пугающего, но спасительного тактильного контакта.

Основным лейтмотивом книги становится «Магия Урочищ» — древнее, хтоническое верование в то, что у каждого природного объекта (озера, оврага, заброшенного колодца) есть своя память и свой непомерный аппетит. Люди в этом мире живут в постоянном страхе перед «живой землёй», которая способна прорасти сквозь человека, если он нарушит Уговор. Главный акцент сделан на звуках, запахах и осязании: хруст костей, запах мокрой шерсти, сырой глины, горького полынного мёда и ледяной озёрной воды.

Содержание

Глава	4
ЧАСТЬ I: ПЕРО И ТИНА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валентина Садыкова
КРИК ПЕРЕПЁЛКИ:
СЕРДЦЕ ИЗ
ОЗЁРНОГО СЛЁЗЫША

Глава

ЧАСТЬ I: ПЕРО И ТИНА

Глава 1: Камышовые сны

Посад Суходол засыпал тяжело, со стоном, точно старый, изъеденный червями пёс. Воздух над бревенчатыми крышами стоял густой, сизый, пропитанный злым, едким дымом. Жители жгли прошлогоднюю солому, смешанную с сушеной полынью и коровьим пометом, — считалось, что этот удушливый чад отгоняет полудниц и болотных лешаков, чьи невидимые тропы пролегали у самых пограничных палисадов.

Луша сидела на полу своей полуземлянки, низко опустив голову. Масляный светильник — черепушка из грубой обжиговой глины — безбожно чадил, бросая на бревенчатые стены длинные, ломаные тени. Пальцы девушки были разбиты в кровь, сухая, жесткая осока резала кожу не хуже кузнечного ножа, пока она плела очередную камышовую циновку на продажу. В Суходоле её циновки покупали неохотно — брезговали, шептались за спиной, что девка с Поющего Яра приносит в дом сырость и неудачу. Но жить на что-то было нужно.

На верстаке, среди лоскутов старого застиранного холста и пучков сушеного багульника, послышался слабый, шурша-

щий звук. Луша замерла. Большая болотная выпь, принесенная ею три дня назад из тумана, шевельнулась. Птица была покалечена — тяжелый болт из дружинного самострела раздробил ей левое крыло, превратив перья в кровавое месиво. Обычно птицы после такого не выживали, их сразу бросали в котел или оставляли лисицам, но Луша не могла пройти мимо.

Она отложила осоку, вытерла ладони о подол грубого са-рафана и медленно, стараясь не дышать, подошла к верстаку. Выпь подняла на неё круглый, желтый, как старая монета, глаз. В этом взгляде не было разумного страха, только чистая, концентрированная боль дикого существа, не понимающего, за что его убивает этот мир.

— Тише, маленькая... тише, мокрея, — ласково, едва слышно зашептала Луша. Её голос звучал мягко, точно шуршание сухого камыша под осенним ветром.

Она осторожно просунула ладони под обмякшее птичье тело. Кожа Луши, вечно пахнувшая речным илом и сухим пером, коснулась взъерошенного пуха. Девушка закрыла глаза и сделала глубокий выдох. На лбу её выступили крупные капли пота. Она задействовала свой дар — то проклятие, из-за которого её покойная мать запрещала ей обнимать деревенских детей.

Луша начала обряд переливания боли.

«Возьму твою муку, отдам свою скуку, лети под облако, падай в воду...» — беззвучно, одними губами двигала она

древние, как сам этот ил, слова Уговора.

Сначала ничего не происходило. Затем под её ладонями разлилось тяжелое, пульсирующее тепло. Боль существа не растворялась в воздухе — магия этого мира не знала милосердия, она признавала лишь эквивалентный обмен. Луша почувствовала, как чужая агония, горячая и острая, словно толченое стекло, хлынула через её ладони вверх по предплечьям, устремляясь прямо к сердцу. Её собственное левое плечо пронзила такая жгучая, выворачивающая суставы судорога, что Луша прикусила губу до крови, чтобы не закричать. Кости внутри неё заныли, точно их ломали железными щипцами. Под кожей на ключицах, наливаясь темной, бурой синевой, медленно проступил новый подкожный узор, напоминающий контуры птичьего пера.

Выпь в её руках вдруг глубоко вздохнула. Желтый глаз птицы прояснился. Раздробленное крыло со слабым хрустом выпрямилось, кости сошлись под кожей, перья разгладились, принимая здоровый, пестрый вид. Птица встрепенулась, сильно ударила крыльями по воздуху, едва не потушив светильник, и взлетела к потолочной балке, забившись в самый темный угол. Она была здорова.

Луша же тяжело осела на земляной пол, хватая ртом воздух. Её била крупная дрожь. Левая рука плетью повисла вдоль тела. Каждое такое исцеление забирало у неё частицу жизни, превращая её кости в сухую, хрупкую глину. На пограничье знали: те, кто слушает крылья, долго не живут.

Земля забирает долг рано или поздно.

Она сидела так долго, пока за палисадами Суходола не затихли последние голоса дружинников. Вокруг царила полночная глушь, прерываемая лишь монотонным скрипом сверчка под печью.

И вдруг со стороны Поющего Яра — огромного, зловещего оврага, куда люди веками сбрасывали кости павшего скота, некрещеных младенцев и тех, кого изгнали из общины, — донесся странный звук. Это не было вытьем волка или криком филина. Звук был низким, утробным, протяжным. Так трещит и лопается толстый, глубокий озерный лед ранней весной, когда снизу его подпирает черная, застоявшаяся вода. Звук этот отозвался в ноющих костях Луши такой острой тоской, что она против воли поднялась на ноги и посмотрела в узкое волоковое оконце, затянутое бычьим пузырем. Туман над яром поднимался белый, густой, точно кипящее молоко.

Глава 2: Тот, кто упал с неба

Утро поднялось над Суходолом серым, сырым, без единого луча солнца. Луша, накинув на плечи старую поношенную свиту, отправилась к Поющему Яру. Ей нужно было собрать болотный багульник — его горький, дурманящий запах помогал унимать судороги в её собственной груди после ночного обряда. Люди, встречавшиеся ей на узких улочках по-

сада, торопливо крестились на деревянных Чуров, установленных на перекрестках, и отворачивались. Никто не хотел встречаться взглядом с «глиняной девкой».

Спускаясь по крутому, осыпающемуся склону яра, Луша цеплялась руками за голые, цепкие корни старых ив. Здесь всегда пахло прелью, мокрой глиной и старой смертью. Туман не рассеялся, он лежал на дне оврага тяжелым саваном, цепляясь за поваленные коряги.

Пройдя около сотни шагов по самому дну оврага, Луша замерла. Среди серой, жидкой глины и полусгнивших прошлогодних листьев лежало тело.

Сначала она подумала, что дружинники выбросили сюда очередного казненного вора или утопленника, но, подойдя ближе, поняла, что ошиблась. Юноша лежал ничком. Его длинные, до плеч, волосы были странного цвета — не русые, как у местных, а светлые, как речной песок, сквозь который пробивается первая седины. На нём не было никакой одежды, но тело не казалось человеческим. Кожа была неестественно бледной, почти прозрачной, с легким, едва заметным перламутровым отливом, какой бывает на внутренней стороне речных ракушек.

Но самым страшным было другое. На его спине, прямо между лопатками, зияли две глубокие, рваные раны. Мясо было вывернуто наружу, словно у существа с корнем вырвали крылья. Но вместо красной человеческой крови из этих ран медленно вытекала густая, прозрачная жидкость, похо-

жая на тяжелые слезы. Она пахла озерной свежестью, кувшинками и тиной. Там, где эта жидкость капала на серую глину оврага, земля мгновенно покрывалась тонкой коркой льда, несмотря на теплую весну.

Луша, преодолевая страх, опустила на колени прямо в грязь. Её сердце колотилось где-то у самого горла. Она протянула руку и осторожно коснулась шеи юноши, пытаясь нащупать жилку. Кожа его оказалась ледяной — так пахнет лед, который весной вытаскивают из глубокого, заброшенного погреба.

Стоило её пальцам прикоснуться к его плоти, как дар Луши сработал без её воли. Её сознание буквально вышвырнуло из собственного тела.

Она увидела чужую память. Черное, глубокое озеро Снулое. Вода чистая, как слеза, в которой отражаются вековые дубы. И люди. Много людей с факелами и топорами. Они рубили деревья по берегам, они бросали в воду мешки с негашеной известью, заливали в жилы озера горящую смолу и угли, чтобы высушить его, прогнать древних духов и построить на этом месте железную кузню. Она слышала, как кричали в глубине его брата, превращаясь в пар и гниль. Она почувствовала, как железные сети рвали его собственную плоть, когда он пытался улететь, как ломались его водяные крылья о каленые цепи княжеских охотников.

Луша сдавленно вскрикнула и попыталась отдернуть руку, но юноша вдруг резко повернулся. Его длинные пальцы с

мягкими, прозрачными ногтями намертво обхватили её запястье.

Он открыл глаза. У Луши перехватило дыхание: у него не было зрачков. Глаза его представляли собой огромные, глубокие радужки цвета стоячей, чернильной озерной воды. В самой их глубине колыхался слабый, едва заметный фосфорический свет — так светятся гнилушки в густой чаще в самую темную ночь.

В месте их прикосновения произошло то, чего Луша не испытывала никогда в жизни. Её вечно ноющие, разбитые ночной болью кости вдруг затихли. Жгучая судорога в плече, мучившая её с полуночи, растаяла, точно её и не было. Его ледяной, хтонический холод подействовал на её измученное тело как целебный бальзам, гася внутренний пожар чужих смертей. А её человеческое тепло, шедшее от ладони, заставило существо вздрогнуть. В его груди, под перламутровыми ребрами, раздался глухой, тяжелый, чавкающий звук. Это его сердце, сотканое из слез утопленников, сделало первый в его жизни человеческий толчок.

— Сухо... — прохрипел он. Его голос не был похож на человеческий, он звучал как шёпот камыша, когда по нему бьет крупный град. — Земля... ест меня. Помоги... или убей. Мне всё равно. Мое озеро выпито.

Луша посмотрела на его раны, из которых продолжала сочиться прозрачная влага. Если она оставит его здесь, Охотники за Навью, чьи заставы стояли по всему пограничью,

найдут его к полудню. Из такого существа сделают чучело для княжеского терема, а её саму обвинят в колдовстве и живо заколотят в бочку со смолой. Но его глаза, полные такой дикой, нечеловеческой и в то же время слишком понятной боли, смотрели прямо в её душу.

— Молчи, — тихо сказала она, оглядываясь на край оврага. — Молчи, Слезыш.

Она перехватила его руку. Юноша был длинным, тощим, его тело казалось текучим, словно состояло из плотной воды. Луша, привыкшая к тяжелому труду, с трудом взвалила его на себя. От него пахло грозой, мокрым песком и кувшинками. Цепляясь за корни и проваливаясь в глину, она потащила его вверх, к своей полуземлянке, молясь всем старым богам, чтобы никто из посадских не вышел в этот час к Яру.

Глава 3: Бадья с дождевой водой

В полуземлянке Луши пахло сухой травой и старой глиной. Она уложила юношу на подстилку из соломы в самом дальнем, темном углу, за камышовой ширмой. Стоило ему оказаться в замкнутом человеческом жилище, как его состояние резко ухудшилось. Сухой воздух, пропитанный гарью из волокового окна, обжигал его легкие. Он судорожно хватал ротом воздух, его бледная кожа на глазах начала порываться мелкими, сухими чешуйками, которые с тихим шорохом осыпались на солому. Зеленоватые жилы на его шее и

рёбрах натягивались и чернели, точно корни дерева, лишённые влаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.